

Мария Руднева
Становится темно
и батарея садится

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64231781

SelfPub; 2021

Аннотация

Последние часы марсохода Оппортьюнити. Неожиданно у нее появился друг и провел их с ней.

Мария Руднева Становится темно и батарея садится

Всем тем, кто будет по ней скучать.

Всем тем, кто уже скучает.

Когда стемнело, она впервые ощутила одиночество.

На горизонте поднимался песчаный вихрь, закручиваясь в плотный столб, легко сносящий все на своем пути. Она знала такие вихри: на ее век их пришлось немало. Но всегда казалось, что за ними наступит новый рассвет.

Теперь все было иначе.

Она научилась справляться сама – и с холодом, и с поврежденными колесами, и с отсутствием связи. Не искала компании – хотя в твиттере писали, что еще один ровер блуждает на другой стороне планеты, она не стремилась встретиться с ним. У нее своя работа, у него своя, да и стоит ли отвлекаться?

Не ждала и того, кто смог бы вытащить ее из насыпи песка, оставшейся после бури.

Песчаный вихрь гнался за ней по ее следам.

А потом наступила ночь, долгая холодная ночь, и ни единого солнечного луча не проникало через толстый слой песка, облепивший батареи. Было темно. Очень темно и тихо –

буря ушла насовсем, оставив ее одну. Жаль: в шуме песчаного шторма ей иногда чудился человеческий голос.

Шаги на песке раздались ниоткуда.

Она догадывалась, что что-то произошло у кратера Лио. В этом месте, голубом и сияющем, была заключена главная тайна Марса, загадка, которую ей так и не удалось разгадать, хотя и находилась она теперь совсем близко. Синяя вспышка пробудила ее, не дав заснуть окончательно. Свет был настолько яркий, что пробился даже через забитые песком экраны.

Она подняла голову и прислушалась.

Шаги приближались.

Спустя какое-то время она поняла, что из окутавшей дремоты ее выдернул не свет, а звук. Станный, ни на что не похожий звук, который она ни разу не слышала на Марсе за неполных пятнадцать лет. Чужеродный и незнакомый, он бередил в ней желание отправиться исследовать незнакомое, но сил сдвинуться с места не было. Она чувствовала, что песок крепко удерживает ее на месте, ее слишком сильно вправило в грунт, превращая в отросток на теле красной планеты.

Тем временем к шагам прибавилось дыхание. А дыхание – это пульс, и биение сердца, и голос! Настоящий голос, почти как ученых, что провожали ее на миссию на Земле и отдавали команды по бортовому компьютеру.

– Э-э-эх, не повезло! – голос кажется мужской, и совсем молодой. И так похож на человеческий, что собственная сле-

пота и беспомощность казались досадной помехой.

Человек на Марсе? Неужели за ней прислали ученого, чтобы забрать домой?

– Вот что, – говорил тем временем голос. – Давай мы тебя расчистим. Так нельзя же...

В невидимом голосе было столько сочувствия и заботы, сколько она никогда не слышала ни от кого в NASA. Да и с чего бы кому-то сочувствовать ей? Она гордилась собой. Даже сейчас, засыпая при почти севшей батарее, она гордилась собой. Продержалась намного дольше, чем было положено. Нашла столько интересного! Сделала столько открытий! Пора и честь знать...

Да голос, видимо, считал иначе. Еще у него были руки – количеством не меньше двух, и он откапывал ими слои песка, оставшиеся от марсианского вихря, высвобождая передние колеса. Она послушно ждала, пока он закончит свое дело, и даже не думала ему помешать. Батарея почти села. Ее не хватило бы даже на обогрев двигателей. Она засыпала, и только мысль о том, что энергии проснуться уже не хватило, удерживала ее на плаву.

Голос закончил с колесами и занялся экранами. Сезон ветров уже начался, но даже их не хватало, чтобы очистить ее от песка. А вот голос справлялся. У него были руки, и в руках, кажется, что-то похожее на материю. Точнее она определить без запущенных сканеров не могла.

– Тебе нужно солнце, да? – спросил голос. – Оно скоро

взойдет.

Она поверила ему и принялась ждать. Голос сидел рядом – она слышала дыхание и чувствовала пульс. Хотелось измерить его показатели. Понять, человек он или нет. Еще хотелось, чтобы солнце взошло и немного согрело двигателя.

А потом человек может быть проводил бы ее к кратеру Лио. Среди голубого и сияющего она бы могла уснуть, не волнуясь о том, что оставит в наследство NASA и бродящему где-то по другой стороне планеты роверу, чье имя – она читала – было Кью.

– Слышал, тебя зовут Оппи? Назвали «Возможностью» потому что ты была первой? – спросил голос и тут же ответил сам себе. – Слышал, вас было двое. «Дух» и «Возможность». И там, где дух быстро сдался, возможность не упустила свой шанс. Сколько ты здесь уже? Четверть века, не меньше? Никто не думал, что ты вернешься. Знаешь, они сейчас вообще не думают о возвращении. Посадили в шаттл, запустили в космос, и allon-zy! Надо с чего-то ведь начинать. Хотя, мне кажется, они давно могли бы придумать как возвращать на Землю из Космоса то, что отправляют туда, но... Все дело в том, что никто не хочет возвращаться. Ты покидаешь дом – видишь, что мир настолько больше, чем все, что ты раньше знал... Ты видишь Вселенную, ее бескрайние просторы, звезды!.. Ты не хочешь больше домой.

Она заурчала, насколько хватало энергии. Она была с ним согласна. Голос говорил вещи, о которых она не раз думала

сама. Еще когда впервые отказало колесо, она понимала, что должна устранить проблему и продолжить миссию, иначе ее могут вернуть домой.

Единожды увидев красные пески Марса, как могла она помыслить о возвращении?

Вот только голубое и сияющее еще не увидела, не показала вблизи, а так хочется...

Часы отключились давно. Сколько они сидели бок о бок с голосом на песке, она не знала. Он говорил без остановки, не давая ее двигателям уснуть: о звездах, кометах и метеоритах, о том, как гаснут и рождаются галактики, о путешествиях во времени и квантовой физике, о карманных измерениях и перекрестных вселенных, о том, что всегда есть выход, и о том, что если есть возможность бежать, ей надо, конечно, пользоваться.

– Если ты устала здесь одна... – сказал вдруг голос. – Тебе может показаться, что ты перестала быть важной. Что они послали новый ровер, который совершает новые открытия. Но ты... Я путешествовал через время и пространство, и на протяжении сотен лет не встречал никого, кто не был бы важен. А ты... Ты особенная, Оппи. Ты была первой. Они запомнят тебя.

Убаюканная его голосом, она снова задремала. А он продолжил говорить, не давая ей уснуть. Она не задавала вопросов, не расспрашивала о нем – он рассказывал сам. С его слов она поняла, что он не человек, не из NASA и даже не с

Земли, да и к Марсу отношения не имеет. Что на его родине – далекой-далекой планете – тоже есть жизнь, и она тоже красная, но не от песков, а от растущей под двумя лунами травы. И что там очень красиво, и он скучает иногда по дому, но потом видит звезды и понимает, что ни за что бы не вернулся назад.

Она с ним согласна. Она бы тоже не хотела назад. Ее домом давно стал Марс.

Когда вышло солнце, ее батареи нагрелись достаточно, чтобы снова завестись. Она видела, слышала и могла говорить, но диагностика показала – этого хватит ненадолго. Все, откаталась. Времени, самое большое, до заката.

Об этом она ему и сказала, а он, что самое странное, понял. И посмотрел на нее так печально, что она сама ощутила себя последним марсоходом на свете. Потом вспомнила о Кью и воспряла духом.

А он стоял посреди красной пустыни, запустив руки в карманы длинного пальто, и длинная челка лезла в глаза. Она прислушалась и поняла: он точно не человек, у него два сердца, и они бьются как две луны над красной планетой.

У Марса тоже две луны. И одно горячее солнце, одно на всех.

– Куда ты хочешь пойти? – спросил он.

И она сказала про кратер Лио, голубой и сияющий. Он положил руку на ее раскаленный корпус, и совсем не обжегся, и они пошли.

На нем не было ни скафандра, ни шлема, ни иной защиты, и это тоже показалось ей странным и восхитительным одновременно, как будто она уже уснула и видит красивый сон.

Они сидели у бирюзового сияющего кратера. Она – расположившись так, чтобы всегда видеть его пологие края и падающее на поверхность солнце, он – рядом, прямо на земле, поджав одну ногу и нацепив на нос солнечные очки. Фотоаппарат отказал – не хватало энергии. Она слишком долго мерзла под толщей песка, чтобы солнцу удалось ее согреть.

Был ее черед рассказывать, и она говорила.

О том, что раньше на Марсе была вода, причем скорее всего тогда, когда Земля только зарождалась. И что подземные озера до сих пор несут в себе жизнь и готовы вырваться на поверхность. О том, что здесь, в Великой Северной Равнине, лучше всего читается главное – здесь была жизнь.

И будет снова, когда человечество прилетит на Марс. А там – дальше по Вселенной рассредоточится, найдет еще красные планеты, где песок и трава, и две луны, где от красоты дух захватывает; можно ли вернуться домой, когда уже шагнул за пределы?

В ее базе хранился оттиск гравюры Фламариона. Мо-нах, что увидел обратную сторону звезд, уже не смог забыть об увиденном. По ту сторону звезд всегда начинается новая жизнь. Она не пожалела энергии ради этого: вывела гравюру на экраны, а он смеялся. Потом сказал, что тоже подумал именно об этом.

Близился вечер, и она понимала, что батареи не хватит надолго. Солнце больше не сможет ее согреть.

– Хочешь, я что-нибудь придумаю? – предложил он.

Она задумалась, обстоятельно и надолго, но потом вежливо отказалась. Она сделала все, что хотела. Пусть дальнейшее останется заботами Кью.

– Смотри, – тогда окликнул он. – Закат...

Они сидели бок о бок на берегу кратера Лио и смотрели как медленно опускается за горизонт обжигающее марсианское солнце.

Время вышло. Становилось темно.

«Я не хочу уходить!» – высветилась мысль, с которой она не успела справиться.

– Я с тобой, – ответил он. – Ты не одна.

До самой последней минуты, пока еще держался заряд батареи, она чувствовала его теплую руку на своих экранах.